

Е. Б. СМИЛЯНСКАЯ

К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в.
(Следственное дело о «Службе кабаку»
в комплексе документов о богохульстве и кощунстве)

Весьма плодотворным для изучения языка средневековой культуры может стать анализ восприятия современниками тех или иных культурных явлений на переломном этапе от средневековья к новому времени. Для России такими этапными стали конец XVII—первая половина XVIII столетия, время утверждения «мирского» знания, светской «новой культуры».¹ Не претендуя на охват широкой проблематики, позволим привести ряд наблюдений над характером восприятия в этот период фольклорных произведений и памятников «демократической сатиры», содержащих пародии на богослужебные, учительные, житийные тексты.

Как известно, у исследователей отсутствует единство мнений и оценок по этому вопросу. В ряде работ существует практически однозначная трактовка «Службы кабаку», «Калязинской челобитной», «Сказания о бражнике», а также группы пословиц как «антиклерикальных», «антицерковных» произведений, «в которых сознательно высмеиваются многие важные догматы христианской веры, святые и т. д.»²

В противовес подобному пониманию средневековой пародии авторы работ о «смеховом мире» Руси замечают, что в XVII в. пародии на молитвы и церковную службу были широко распространены и не казались богохульными, а «Служба кабаку» и «Калязинская челобитная» могли в XVII в. рекомендоваться благочестивому читателю и считались «полезными».³ Объяснение этому феномену Д. С. Лихачев видит в своеобразии средневекового подхода к пародии, полагая, что «смех в данном случае направлен не на другое произведение, как в пародиях нового времени, а на то самое, которое читает или слушает воспринимающий его. Это типичный для средневековья „смех над самим собой“».⁴ В XVIII в. средневековое понимание пародии нарушается,⁵ и в предисловии к «Службе кабаку» знаменатель-

¹ Краснобаев Б. И. 1) Русская культура второй половины XVII—начала XIX в. М., 1983; 2) О некоторых понятиях истории русской культуры второй половины XVII—первой половины XIX в. // История СССР. 1978. № 1. С. 56—73.

² Пущкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. М., 1982. С. 124 и др. Аналогичную точку зрения высказывают Л. Л. Короткая (На путях к атеизму: Антицерковная традиция в древнерусской литературе. Минск, 1971. С. 188—194) и М. М. Персиц (Из истории народного свободомыслия в России // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. Вып. 1. С. 138—139).

³ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 20.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский выделяют рубежом петровское время: Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 158. См. также: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 134.

ным становится предостережение читателю, который «увеселительное... возомнит... применить к кощунству».⁶

Сложность разрешения спора о характере восприятия смеховой литературы в эпоху ее создания и в период становления «новой культуры» заключается в крайней скудости данных о среде бытования памятников, о читательских оценках тех или иных произведений.

Редкую возможность восполнить эти пробелы дают судебно-следственные материалы, в частности, дела «о богохульстве и кощунстве», в значительном количестве сохранившиеся в составе архивных фондов Синода, Преображенского и Сысного приказов, Тайной канцелярии и т. д.⁷ Так, в судебном делопроизводстве Синода имеются весьма примечательные источники первой трети XVIII в. о бытовании и восприятии современниками одного из самых известных памятников демократической сатиры второй половины XVII в. «Праздника кабацких ярыжек», или «Службы кабаку».⁸

Дело возникло в 1726 г., когда устюжский купец Михаил Новосельцев подал доношение в Преображенский приказ, обвиняя монаха, а в прошлом даже игумена одного из устюжских монастырей Иоасафа Кокорина в воровстве. В доношении Новосельцев указал также, что «присмотрел» у Иоасафа «книжицу, в которой написано празднество кабацкое с вечернею и с стихеры, у котораго приложены, якобы, и паремии, в которых писано отменно, мерскаго, сквернаго жития чтение и другое многое непотребство, из чего признаваецца в немалую противность закону христианскому» (л. 32).

При обыске указанная «книжица» в пожитках Иоасафа была обнаружена и вместе с делом в 1727 г. оказалась в Московской синодальной конторе. Вот что о ней в расспросе говорил сам Иоасаф Кокорин: «Десять тетраток скорописных в восьмуху шалберные, в которых написано празднество в неподобных местах на кабаках о пьяницах, дал ему, игумену, списать устюжанин Иван Игумнов, который стоит в Москве в Китае на Певческой улице, для посмеуху пьяницам, а сказал, такие де шалберные тетраты продают в Москве на Спасском мосту (а кто продает, того не сказал, а он не спросил), и с тех тетратей стал было он списывать для смеуху пьяницам, который список ево игуменской руки взят с теми ж тетрати, а держал их при себе спроста, а ничего по ней не действовал и подлинно их не читал». Чуть позже Иоасаф уточнит, что Игумнов купил те тетради на Спасском мосту у старца Чудова монастыря Герасима Клосного (л. 30, об., 129).

«И того ж марта 10 дня <1727 г.> вышепоказанной старец Герасим Клосной сыскан и допрашиван, а в допросе сказал, вышепоказанную де о пьяных тетрату устюжанину Ивану Игумнову он продал, а взял на нее 12 алтын, и та тетрату писма руки ево, Герасимовой, а списывал де он ту тетрату с тетраток же у безместного попа Ивана Анкидинова, а кто де те тетратки сочинил, он, Герасим, не знает. К сему допросу больничные чудовские церкви конархист иеродьякон Герасим белоградец руку приложил» (л. 48 об., 129).

Поп Иван Анкидинов также был пойман, допрошен и сознался, что «тетратки» Герасиму давал, «а те де тетратки принес к нему, попу, в дом вотчинной конторы копейист Павел Телегин. И те тетратки вынял из кармана и показал ему, попу, и он де, поп, усмотря, что они шалберные, и просил де ево, чтоб дал ему, попу, прочесть». Но, взяв, Иван Анкидинов якобы не читал, а только дал списать старцу Герасиму Клосному. Сам он

⁶ Андрианова-Перегц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд. М., 1977. С. 157.

⁷ Нами изучены материалы центральных архивов за первую половину XVIII в. и обнаружены свыше 100 «богохульных» дел; правда, лишь пять из них в той или иной мере можно связать с проблемой «смеховой культуры».

⁸ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 10, д. 229. Ссылки на листы далее приводятся в тексте.

якобы не знал, что в тех «тетратках», и вернул их копеисту, который теперь уже умер (л. 129 об.).

По приговору Московской дикастерии от 8 марта 1727 г. за держание «тетрати шалберныя празднеству о пьяных, которая к народу непотребная, но к соблазну явилась» (разрядка моя, — Е. С.), Иоасаф Кокорин, Герасим Клосной и Иван Анкидинов были наказаны плетьюми (л. 50—51).

Инцидент, к сожалению, не был на этом исчерпан, так как «тетрати шалберные» (которые могли бы стать четвертым и вторым по древности списком «Службы кабаку» после изданных В. П. Адриановой-Перетц!) из дела странным образом вместе с рядом других компрометирующих Иоасафа Кокорина документов исчезли. Об этом-то и доносил в 1729 г. в Синод все тот же купец Михаил Новосельцев, снова акцентируя внимание синодальных членов на «противность закону христианскому», содержащуюся в «Службе кабаку», и на то, что переписывал ее Кокорин, очевидно, «для разсеяния в народ непотребства» (л. 139). Синод снова поднял дело, и только благодаря этому до нас дошли расспросные речи и несколько отрывков самого памятника (л. 46 дела) в списках периода следствия.

Итак, что нового дают приведенные материалы?

Прежде всего они уточняют предположение о популярности «Службы кабаку»: произведение не только быстро расходилось по друкам, но и продавалось в самом оживленном месте книжной торговли в Москве — на Спасском мосту.

По предположению В. П. Адриановой-Перетц, этот памятник скорее всего вышел из среды духовенства, «той плебейской части церковнослужителей, которые в антифеодалных движениях „молодых“ людей посада и крестьянства выступали на стороне последних против господствующего класса».⁹ Очевидно, что и в XVIII в. произведение находил читателей в этой среде: из пятерых названных в деле владельцев и переписчиков «пьяных тетрати» — трое представителей духовенства, включая иеродьякона Чудова <!> монастыря.¹⁰ Сомнительно, чтобы все они искали в «Службе кабаку» «противность закону христианскому». Может быть, более следует доверять свидетельствам Кокорина и Ивана Анкидинова, назвавших тетради со «Службой кабаку» «шалберными», читай «смеховыми».¹¹

Таким образом, в деле о «Службе кабаку» мы в реальности сталкиваемся с двойным отношением русского общества к «смеховой литературе». Одни (среди них оказываются купец Михаил Новосельцев и синодальные судьи) воспринимают смех в соответствии с культурной традицией нового времени как осмеяние какого-то объекта.¹² Другие же (понесшие наказание плетьюми), видимо, более разделяют представления средневековой «смеховой культуры». И при этом последние вовсе не одиноки.

Исследователь судебно-следственной документации конца XVII — первой половины XVIII в. не единожды столкнется с делами о «богохульствах и кощунствах», в которых богохульные поступки имеют также «смеховое» значение. Например, аналогичное только что описанному наказание («бить плетьюми нещадно», лишив иерейства), получил монах Ипатьевского монастыря Федор Чернышев за такое преступление: прийдя с крестом в дом к костромскому воеводе на Пасху, он вместо пения «Святися. . .» пропел: «Ты, воевода, в новой шубе обновися, половина ипацкая, а дру-

⁹ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. С. 196.

¹⁰ Заметим, что, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, «Служба кабаку» происходит скорее всего из Сокольничьего края; в деле же три человека — М. Новосельцев, И. Кокорин, И. Игумнов — названы услужаками.

¹¹ Шалберный, т. е. шалобродный, происходит от слова «шаль» — дурь, дурачество, шалость, шутка, потеха, проказы. См.: Даль В. И. Толковый словарь. М., 1980. С. 619.

¹² Панченко А. М. Русская культура. . . С. 134.

гая посацкая». Рассерженный воевода не пожелал понять сей поступок как «шалберный», и на Чернышева донесли за «кощунство».¹³

Нередко в следственных делах можно встретить упоминания о поговорках, сказках, прибаутках, достаточно вольно, а порой и непристойно интерпретирующих жития святых, тексты молитв.

Так, у колодника Василия Маркелова вызвала смех оговорка заики колодника Саввы Кокорина (выговаривавшего вместо «Христа ради» непристойность). Василий Маркелов растрезвонил об этом повсюду и чуть было не поплатился жизнью, ибо Синод счел, что Василий Маркелов «такое богохульство вымыслил из особливо злого и безсовестного сердца своего».¹⁴

Крайнее смеховое «снижение» сакрального до низменного мы можем наблюдать и в деле о произнесении крестьянкой Анной Афанасьевой «богохульной» поговорки: «Грех такой стался, что и Бог у. . . ся». Анна Афанасьева, осужденная за «богохульство», была бита батогами — весьма мягкое по данной статье наказание.¹⁵

В 1750 г. проходило дело о «кощунственной» сказке, поведенной арестантом, бывшим драгуном Власом Козловым. Козлов рассказал ехавшим с ним колодникам о том, как Христос и Никола, встретив на пути крестьянина, трудившегося в поле, обратились к нему со словами: «Бог в помощь! Что ты сеешь?» — и получили непристойный ответ. Крестьянин был наказан за дерзость: «Если ты туры сеешь и мне (т. е. Христу, — Е. С.) сулишь, туры бы у тебя и родились». Рассказчика обвинили в богохульстве, ему выдрали ноздри, высекли и вернули на Нерчинские рудники.¹⁶

Вряд ли мы вправе относить все подобные «преступления» к антицерковной традиции. «Снижение» сакральных образов до грубо телесных, своеобразная система оценок и восприятия — как священного, так и кощунственного, смехового — это черты, характерные для народной р е л и г и о з н о с т и средневековья. Вместе с тем с конца XVII столетия в России развивается новая культура с иной системой оценок, вкусов, взглядов. «Мир смеховой антикультуры» в XVIII в. не абстрактно, а уже вполне конкретно через суровые кары синодальных судей сталкивается с «миром церковной сверхкультуры»,¹⁷ и в случаях, когда, например, смеховое пародирование службы интерпретируется как кощунственное преступление, мы можем наблюдать столкновение двух систем восприятия, двух культурных традиций.

¹³ ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 192 (1734 г.).

¹⁴ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 980 и ЦГИА, ф. 796, оп. 25, д. 576.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1931 (1760 г.).

¹⁶ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1376.

¹⁷ Л и х а ч е в Д. С., П а н ч е н к о А. М., П о н ы р к о Н. В. Смех в Древней Руси. С. 39.